

Рыбаков Фёдор Владимирович

студент

Институт филологии

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический

университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»

г. Липецк, Липецкая область

ОБРАЗ НЕМЦЕВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

***Аннотация:** в статье дана характеристика образу «немца», изображённому в русской художественной литературе XVIII–XX веков. Обобщённый образ «немца» анализируется в сравнении с русским характером, что позволяет наиболее ярко проследить различия в двух менталитетах и глубже проникнуть в образы представленных героев. В работе даётся собственная оценка представленным в художественных произведениях стереотипам о немцах.*

***Ключевые слова:** русская художественная литература, образ «немца», стереотипы, роль стереотипов, межкультурные контакты.*

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что на протяжении последних трёх веков Россия не имела ни с кем из европейских государств такого тесного контакта, как с Германией [1, с. 190]. Чрезвычайная важность отношений между Россией и Германией на современном этапе обусловлена не столько географической, экономической и политической целесообразностью, сколько культурной потребностью во взаимопонимании двух дружественных европейских стран. Тесная связь культур проявлялась во всех сферах жизни и, конечно, искусства начиная с XVIII века. Нельзя отрицать влияние немцев на русскую архитектуру, живопись и науку, но одной из интереснейших тем является их влияние на литературу.

Известно, что многие русские поэты и писатели переводили произведения немецких классиков. Многие вдохновлялись их творчеством и даже подражали известным немцам. Однако, писали не только как немцы, но и, разумеется, о

немцах. Таким образом, в русской литературе сложился образ типичного человека «немецкого».

Чтобы сделать вывод об «образе», нужно выяснить: а многие ли немцы становились героями русских произведений?

Начнём анализ с классической повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». Про эту вещь, как и про всё наследие поэта, написаны горы литературы. Однако нигде не рассматривается национальное происхождение Германа, главного героя произведения А.С. Пушкина. Но не зря же ведь поэт сделал его немцем! Да ещё с таким говорящим именем. Собственно, Герман и происходит от «германец», а, следовательно, автор подчёркивает таким образом контраст «немецкого разума и русской души», так как стереотип о «немецкости» как раз и связывается с рациональностью. В образе Германа сочетается романтизм и эгоизм, который превращается в накопительство и губит его.

Второй по значимости после Германа немецкий персонаж в литературе XIX века – это Штольц из центрального романа Гончарова «Обломов». Эта пара – не слезающий с дивана русский помещик Обломов и энергичный, деятельный Андрей Штольц – хрестоматийный образец противопоставления русского и немецкого характеров. Уже на этапе юношества мы видим существенную разницу между представителем так называемой «обломовщины» и практичным, трудолюбивым образцом немца. В то время как Андрей находится в постоянной деятельности и не гнушается самой черной работы, Обломов не может даже заставить себя дочитать книгу «Путешествия в Африке». Штольц благодаря своему упорному труду, силе воли, терпению и предприимчивости стал богатым и известным человеком, сформировал у себя «железный характер». Различаются герои и во взглядах на любовь. Обломову нужна была так называемая жена-мать, которая заботилась бы о нем. Андрей же в свою очередь ищет умную и активную женщину, равную ему по взглядам и силе. Штольц расценивается как фигура почти положительная, призванная разбудить сонное царство Обломовых и вызвать его обитателей к полезной деятельности.

Произведение И.В. Гончарова «Обломов» в полной мере позволяет нам увидеть, как сильно отличается немецкий образ деятельного человека от русского «ленивца». Имя Андрея Штольца, кстати, также можно назвать говорящим. Фамилия Штольц является самобытным памятником немецкой культуры, она образована от аналогичного прозвища. Оно ведет свое начало от немецкого нарицательного stolz – «гордый».

М.Ю. Лермонтов, выведя в романе «Герой нашего времени» русского доктора с немецкой фамилией Вернер, показал, насколько тесно переплелись в истории многие русские и немецкие судьбы. Печорин замечает, что знавал и человека с типичной русской фамилией Иванов, который был настоящим немцем, то есть носителем типичных для этой национальности черт. К описываемому времени немецкие семейства уже достаточно ассимилировались, чтобы считать себя подобными коренным жителям страны, хотя никогда эта ассимиляция не была полной. Называя прозвище Вернера – Мефистофель, Лермонтов намекает на определенную разницу в основаниях русской и немецкой, западной жизни. Россия всегда строила свое существование больше на духовном начале, а не на материальном. Несмотря на то, что Лермонтов и называет Вернера русским, он противопоставляет его – человека дела, профессии, долга – аристократу Печорину. Печорин же никак не показан нам в службе, в системе. Он военный, но мы можем только догадываться, насколько хороший военный. Насколько он может пренебречь личным ради общего дела, службы. Скорее всего, не очень-то может. А ведь это очень важное качество офицера.

Эти три известных имени стоят немного в стороне от основной традиции русской художественной литературы – изображать немцев в снисходительно-шаржированном виде. Часто им выпадает роль гувернёров, которые всех смешат педантизмом и чудаковатостью. В рассказе Ю.Н. Тынянова «Малолетный Витушишников» мы знакомимся с императором Николаем I, отмечавшим во время прогулок «немецкий и забавный вид» Васильевского острова, вспоминал «ведёвиль на театре Александрины... где очень смешно выводился немец».

В комическом свете «несовпадение» русской и немецкой души показал А.П. Чехов в рассказе «Нервы». Его персонаж, архитектор Ваксин, никак не может заснуть после спиритического сеанса. Мучимый кошмарами, он призывает к себе гувернантку, но та подозревает в нем нечестные намерения. Так сталкиваются два начала – русская непредсказуемость и немецкая правильность. Результат типичен – архитектор досадует на отсутствие в Розалии Карловне душевного понимания и заявляет ей: «Дура вы, вот и все! Понимаете? Дура!» [2, с. 28].

В повести Льва Николаевича Толстого «Детство» гувернёр Карл Иванович объявляет утренний подъем «добрым немецким голосом». У него «доброе немецкое лицо» [3, с. 6], отмечает мальчик Николенька, несмотря на то, что испытывает недовольство ранним пробуждением. Карл Иванович Мауэр, или попросту Карл Иваныч – немец, учитель, гувернер – считает себя несчастным с рождения, Толстой подчеркивает в нем чудаковатость. Но поведение героя в детской и в классной комнате – различно. Как учитель он выступает не в роли добродушного дядюшки, а в качестве наставника, с очками на носу и книгой в руке. Этот факт свидетельствует также об ответственном и добросовестном отношении немцев к работе, долгу, службе.

У Достоевского большинство героев-европейцев – тоже немцы. «Германия, – по словам Достоевского, – самый большой и самый главный сосед России в Европе и в кармическом законе притягивания противоположностей – ведь на мировой сцене символов славянский и германский характеры (менталитеты) олицетворяют полярные понятия, но в силу закона притяжения противоположностей стремятся друг к другу».

Из постоянных образов, встречаемых читателем в произведениях Ф.М. Достоевского, можно выделить следующие: немец-доктор (врач, медик) – («Двойник» и «Роман в девяти письмах»); немка – хозяйка доходных домов, «номеров», «углов» – («Двойник», «Хозяйка», «Преступление и наказание»); немец-управляющий усадьбой, имением – («Как опасно предаваться честолюбивым снам»); немцы (иностранцы) – владельцы кафе, магазинов, кондитерских – («Бедные

люди», «Двойник», «Слабое сердце»); немцы (иностранцы) – музыканты – («Не-точка Незванова»).

В качестве примера образов-немцев Достоевского можно рассмотреть образ Амалии Людвиговны Липпевехзель – персонажа романа «Преступление и наказание». Это хозяйка дома, где живет семья Мармеладовых, Лебезятников, и поселившийся у последнего Лужин. Мармеладов называл ее Амалией Федоровной, Катерина Ивановна принципиально называла хозяйку, с которой всегда конфликтовала, Амалией Людвиговной. Та на такое обращение всегда обижалась и требовала называть ее «Амаль – Иван». Автор так и называет ее Амалией Ивановной, и замечает, что это была «чрезвычайно вздорная и беспорядочная немка». И говорила она с характерным чудовищным акцентом. Её произведена от «Lippe» (губа) и «Wechsel» (перемена, изменение), то есть, примерно, – любящая кривить губы. Амалия Ивановна – педантичная, основательная и прагматичная женщина. Она, например, помогает организовать поминки чиновника Мармеладова и делает это дело по-немецки деловито, оставляя все эмоции по этому поводу в стороне.

Богатейшим для исследования немецко-русских отношений и образа «типичного» немца является произведение Н.С. Лескова «Железная воля». Главный герой, инженер Гуго Карлович Пекторалис – человек с железной волей, как он сам о себе говорит: «О, я все могу выносить, потому что у меня железная воля! Да, у меня железная воля; и у моего отца, и у моего деда была железная воля, – и у меня тоже железная воля». Гуго оказался очень хорошим инженером и дело с машинами для хлебозавода, из-за которых он и приехал работать в Россию, пошло хорошо. Однако, несмотря на все его положительные качества: упорство, педантичность, настойчивость, русские люди относились к нему с потехой, не замечая, что его железная воля помогает не развалиться заводу. Он был, как и все немцы, изображаемые в отечественной литературе, невероятно расчетлив и бережлив. Вскоре, накопив достаточно денег, он открывает собственный завод. Но тут возникает проблема: на территории, выкупленной под строительство, живет некий «Сафроныч» с семьей и содержит никому уже не нужный старенький

завод. Гуго предлагает ему продать землю, но «Сафроныч» ни за что не соглашается. До самой смерти он стоит на своем. На похоронах старика Гуго не может сдержать радости, начинает спорить с местным священником, желая доказать ему, что съест больше блинов. Невинно начавшееся сражение приводит к ужасной трагикомичной смерти героя: он давится блином и умирает. Такая нелепая смерть не может не поразить. Аккуратный, трудолюбивый, терпеливый и умный немец не смог устоять со своей «железной волей» перед таким пустяком: вот уж действительно, что русскому – хорошо, немцу – смерть.

Обобщая характеристики немцев в русской художественной литературе, можно отметить, что на немцев в России часто взирали с сочувственным умилением, подозревая в них какое-то странное несоответствие русской действительности. Русский человек исходил в своих поступках из постижения ситуации, а немец пытался сначала выстроить философскую схему и применить ее затем к действительности. «Правильность», как ни странно, оказывалась синонимом к «узости», «наивности» мышления. Русская литература наполнена большим количеством таких персонажей-немцев.

В фольклоре и ранней литературе образ чужестранца упрощен, статичен, обычно характеризует одну какую-то грань его национального характера. В современной литературе он более индивидуализирован, многогранен и динамичен. Персонажи-немцы в нравоописательных жанрах подаются чаще в комическом ракурсе, рисуются в приватной обстановке, характеризуются бытовым поведением. В романических жанрах персонажи-чужестранцы предстают в своем становлении, с учетом их предыстории, а характер осложняется внутренним конфликтом.

Представления о другой нации могут различаться внутри одного этноса: есть обширный круг «традиционных», «общеизвестных» стереотипов. Например, представление о немецкой расчетливости, практичности, деловитости широко бытовало в русской народной среде на протяжении веков. Но существует и более узкий круг стереотипов, связанных с философско-художественными до-

стижениями немцев в поэзии, музыке, эстетике, науке – они возникали преимущественно у привилегированной, культурной части общества начиная с конца XVIII века.

К различным клише следует относиться также не однозначно: с одной стороны, они помогают представить человека и продумать способы общения с ним, не будучи знакомым, а лишь имея представление о типичных для его национальности чертах характера. С другой стороны, любые стереотипы не позволяют судить о человеке как об индивидуальности, являются предвзятыми и часто несут негативный оттенок. И, если руководствоваться только такими клише, это может помешать правильному восприятию и налаживанию контактов.

Понимание человека другой национальности, культуры, его намерений, желаний, прогнозирование его поведения, а также способность сделать себя понятным для других оказываются жизненно важными факторами в современном мире, так как игнорировать людей иной национальности практически невозможно, а значит, необходимо иметь о них представление, которое будет способствовать созданию правильных и взаимовыгодных отношений.

Список литературы

1. Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. – М.: Наука, 1998. – Вып. 1. – С. 190–205.
2. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. – М., 1950. – 344 с.
3. Чехов А.П. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. – М., 1969. – 496 с.